

А.В. Павлов

Прагматичные наследники политической философии Лео Штрауса

Лео Штраус (1899–1973) — историк политической философии, который снискал себе действительно крупную славу спустя более чем тридцать лет после своей смерти. Не так давно он был известен относительно узкому кругу специалистов в области политической науки. Несмотря на то, что у нас в последнее время перевели и издали три книги Лео Штрауса¹, в России имя этого исследователя (но ни в коем случае не общественного и политического деятеля) все же стало популярным прежде всего потому, что его стали связывать с так называемыми неоконсерваторами — ярыми сторонниками интервенционистской и крайне агрессивной внешней политики администрации Дж. Буша-младшего². В настоящей работе мы попытаемся выяснить, действительно ли между сторонниками Буша и политическим философом, никогда не интересовавшимся вопросами практической политики, имеется очевидная, прямая и крепкая связь.

Порою даже самая непрактичная идея может оказать гораздо большее влияние, чем самое грандиозное из событий, произошедших в мире. Это и случилось с политической философией Лео Штрауса, которую американские неоконсерваторы (одна из исследовательниц предложила для их обозначения выражение «Лео-коны»)³ с большим удовольствием позаимствовали для упорочения своей идеологии.

Идейное наследие

Если сформулировать кратко, то учение Лео Штрауса, как оно было воспринято американскими «неоконками», может быть сведено к следующим идеям. Во-первых, и это самый очевидный момент штраусовского учения, — стремление к абсолюту, целому и универсальному; поиск единой истины и желание обнаружить ее во всем, что касается политики. Неоконны без труда могли посчитать такой истиной либеральную демократию и решиться на ее внедрение или перенесение в государства с недемократическим режимом правления. Во-вторых, это снятие Штраусом конфликта между религией и наукой, «разумом и откровением», что, безусловно, привлекало молодых неоконсерваторов, многие из которых исповедовали троцкистскую версию коммунистического учения. В-третьих, конечно, это «эзотерический» аспект его учения. Штраус верил, что философы предлагали не только и не столько «эзотерическое» или рекомендательное учение⁴, сколько «эзотерическое», или истинное, учение, которое скрыто от глаз рядового читателя. Вот почему «философ и вообще “благородный муж”», причастный к политике, не только может, но и должен обманывать своих соотечественников, не делаясь с большинством из них печальными выводами своих размышлений⁵. Эта мысль пришлась бы по душе не только неоконсерваторам.

Особого внимания в этом непростом вопросе об отношении неоконсерваторов к Штраусу заслуживает книга «Гиерон, или Слово о тирании» — одна из немногих переведенных на русский язык работ знаменитого политического философа. Она посвящена анализу древнейшего политического феномена — тирании в ее классическом понимании. Штраус считал, что эволюцию политической философии можно представить в виде двух крупных этапов — древнего и современного. Первый — это рассуждение древнегреческих философов о вечном благе, добре, зле, добродетели и пороке; второй — сознательное занижение стандартов политической философии, представленной в трудах классиков — Платона, Аристотеля, Ксенофонта. Современная политическая философия, порывающая с античной традицией, начинается с Макиавелли. По мнению Штрауса, текст

Ксенофонта «Гиерон» и есть та точка, где соприкасаются древние и современные политические теории. Ведь угроза тирании — сверстница политической жизни. Штраус считает, что внимательное исследование классической тирании поможет нам понять тиранию современную, которая отличается от древней разве что наличием технологии и идеологии. Кроме того, «О тирании» — это реабилитация древнегреческой политической философии в целом и Ксенофонта в частности. По мнению Штрауса, забвение, в котором оказался «Гиерон», объясняется вошедшим в моду пренебрежением и даже презрением к интеллектуальным возможностям Ксенофонта. Штраус защищает одного из любимых своих философов, настаивая на том, что он ни в чем не уступает ни историку Фукидиду, ни философу Платону.

Если говорить о тех следствиях, которые можно вывести из книги имплицитно, то на ум приходят прежде всего две вещи. С одной стороны, американские неоконсерваторы могли непосредственно увидеть те пагубные результаты, к которым ведет практика тирании, почему они, вероятно, и решили бороться с тиранами в современном мире (или теми, кто мог бы подойти на их роль). С другой стороны, возникает более важная интерпретация феномена. Дело в том, что, совмещая древнюю и современную политические теории — Платона и Макиавелли, Штраус вслед за Ксенофонтом поднимает вопрос о «добродетельной тирании», т.е. вопрос о том, что нужно сделать тирану, чтобы его не боялись, но почитали и уважали. Вероятно, что последователи Штрауса, ушедшие в большую политику, могли посчитать тиранией как раз не Ирак, а США. Вот почему они так неистово стали навязывать миру собственные ценности. Как это ни удивительно, но сегодняшнему положению дел соответствует именно такая интерпретация.

Штраусианцы следующим образом использовали некоторые из идей Лео Штрауса. Им полюбилась мысль о необходимости сильного и стойкого лидера, который бы нанес решительный удар «тирании». Например, во времена Рейгана штраусианцы собирались узкой группой, чтобы отметить день рождения Черчилля распитием бренди и курением сигар. Черчилль был для них хорошим образцом противника

тирании. Такие и многие другие собрания дали основания полагать, что штраусианцы — это настоящий культ со своими традициями и обычаями.

Кроме того, мысли Штрауса по поводу ценностного абсолютизма оказали сильное влияние на дискредитацию коммунизма. Пока либералы доказывали главам стран третьего мира, которые должны были решить, какую им следует избрать форму правления, что коммунизм неэффективен, штраусианцы доказывали, что он — воплощение зла и тирании. Все эти идеи не были прописаны Штраусом в его сочинениях. Сам он, конечно, мог так и не думать. Но штраусианцы додумали это за него.

Штраусианцы

Когда начинают рассуждать об истоках неоконсерватизма, вспоминают его «отцов-основателей», имеющих друг к другу весьма опосредованное отношение⁶, — Ирвинга Кристола и Лео Штрауса. Влияние на консерватизм Кристола более очевидное и менее спорное, влияние Штрауса — наоборот. Если говорить на языке метафор, то Кристола можно назвать отцом неоконсерватизма, в то время как Штрауса — крестным отцом.

У Кристола два любимых ребенка: идейный — неоконсерватизм — и «идейно-биологический» — Уильям Кристол, пошедший по стопам отца. Потомство Штрауса в этом отношении проследить сложнее. Биологических детей у него не было, зато было большое количество последователей, с радостью назвавших себя его «духовными сыновьями». Большинство из этих последователей сейчас занимают (либо занимали до недавнего времени) важные государственные посты в США. А так как они исповедуют одинаковое мировоззрение и придерживаются единого взгляда на решение внешнеполитических проблем, их принято называть «штраусианцами».

Одни исследователи творчества Штрауса отрицают его связь со штраусианцами и настаивают на том, что среди последователей политического философа можно назвать две группы лиц — учеников Штрауса (ученых, исповедующих подход Штрауса к политической теории) и штраусианцев (политиков, считающих себя адептами философа). Другие настаивают, что Штраус це-

ленаправленно создавал секту, чтобы его верные последователи реализовывали его идеи на практике, посредством принятия внешнеполитических решений. Но никто никогда не отрицал существования группы людей в правительстве США, гордо называющих себя штраусианцами.

Существует генеалогия и география штраусианцев⁷. Так, географически штраусианство делится на восточное и западное «побережья». Чикаго (город, в университете которого Лео Штраус преподавал долгие годы) — центр между ними. Восточное побережье — более философское и менее затронуто политическими процессами. Влиятельные фигуры этого региона — Джозеф Кропси (Чикаго) и Харви Мансфилд (Гарвард). Оба весьма уважаемые политические философы, оба — консерваторы. Мансфилд учил Фрэнсиса Фукуяму и Уильяма Кристола (вероятно, именно здесь пересекаются интеллектуальные влияния Штрауса и Кристола-старшего). Кропси учил Пола Вулфовица и Абрама Шульски. Из этих двух Мансфилд более политически активен: он даже отказывается обучать студентов, придерживающихся либеральных или более радикальных политических убеждений, равно как и аполитично настроенных.

Западное побережье штраусианства ориентировано на активное участие в политической деятельности. Главный герой этого региона — Гарри Джаффа (высшая школа Клермонта). Джаффа — один из самых ярких сторонников «американского неоконсерватизма». Он считает, что если откуда решение вечных проблем и должно прийти, так это из США; но если из США, то от республиканцев; но если от республиканцев, то от консервативного крыла республиканской партии. «Западные штраусианцы» борются не только против либералов и демократов, но и против других последователей консерваторов — Фридриха Хайека, Эйн Рэнд и Вилмора Кендала.

Американский внутри- и внешнеполитический дискурсы были сформированы штраусианцами. Речи республиканских президентов, вице-президентов, министров обороны и советников по национальной безопасности были написаны штраусианцами. Хотя сейчас влияние штраусианцев не так сильно или, по крайней мере, не так заметно, они до сих пор не сдают своих позиций. Правда, после того как неоконсерватизм ока-

зался дискредитированным, многие из штраусианцев попытались откреститься от своего якобы учителя. Так, Пол Вулфовиц в одном из интервью отметил: «Я не особенно жалею этот ярлык [штраусианец. — А.П.], потому что я вообще не люблю ярлыки»⁸. Справедливости ради следует отметить, что не все штраусианцы являются консерваторами. Один из интеллектуалов клинтоновской администрации — Уильям Гэлстоун — также учился у Лео Штрауса и оказал определенное влияние на демократическую политику Клинтона.

Некоторые штраусианцы не учились у Штрауса, но им, как и многим другим, пришлась по вкусу его идея, что государственный лидер нуждается в элитарной группе советников, которые бы давали ему грамотные указания, основываясь на строгих моральных суждениях о добре и зле. Влияние мифа о штраусианцах оказалось настолько сильно, что некоторые консерваторы (особенно из администрации Буша-младшего) стремились защищать докторские диссертации в Мекке штраусианства — в университете Чикаго.

Хотя Штраус писал о преследовании интеллектуалов правителями, то, что сегодня привлекает внимание общественности к деятельности штраусианцев, — это не преследование этих фигур властью, но их обладание ею.

Виновен или не виновен

Все же, как мог человек, всю жизнь изучавший творчество «древних» философов, таких как Сократ, Платон, Ксенофонт и Аристотель, а также «современных» (если использовать терминологию самого Штрауса) мыслителей, таких как Макиавелли, Марсилий Падуанский, Гоббс, Спиноза и Ницше, повлиять на современную политику спустя более тридцати лет после своей смерти? Как это ни удивительно, многие полагают, что очень даже мог.

Несмотря на то, что в России о Штраусе пишут не так много, даже у нас наблюдается разброс мнений по этому непростому вопросу. Не так давно появилась любопытная статья Бориса Парамонова «Лео Штраус и его ученики»⁹, в которой обстоятельно пересказывается статья Эдварда Ротстайна о Штраусе. По мнению Парамонова, который полностью соли-

даризируется с Ротстейном, посмертная «дурная слава» духовного отца неоконсерватизма — это плод некой роковой и чудовищной ошибки.

В противовес многим примерам «демонизации» Штрауса, Эдвард Ротстейн в свою очередь опирается на книгу Стивена Смита «Читая Штрауса: политика, философия, иудаизм», автор которой полагает, что «Штраус совсем не был консерватором, он был другом либеральной демократии — одним из лучших друзей, которых она когда-либо имела. Более того, вопреки утверждениям его критиков, Штраус не смотрел на политику ни справа, ни слева, — он смотрел на нее сверху». Таким образом, Парамонов, соглашаясь с Ротстейном и, следовательно, Смитом, полностью отрицает предполагаемую связь идей Штрауса «с современным американским консерватизмом» — ту связь, которая представляется ему «неким скандальным парадоксом, какой-то квадратурой круга, которую принялись решать в высоких ведомствах»¹⁰.

Существует и альтернативная точка зрения. В 2003 г. ее высказал Борис Межуев в своей статье «Кто ответит за “Большую ложь”?»¹¹. Он обратил внимание на практически полностью ускользнувший от внимания Парамонова аспект творчества политического философа: «В концепции Штрауса имеется один очень специфический момент — он считал, что древние политические философы “тайно” придерживались взглядов, которые отличались (и в большей степени, чем мы привыкли думать) от тех, что исповедовало население их родного города. Поэтому в своих произведениях они передавали доступную только избранным истину как бы в зашифрованном виде, чтобы большая часть сограждан их не поняла. Для Штрауса “эзотеризм” древних философов выдает их нравственное превосходство над современными мыслителями, не стесняющимися объявлять обществу о том, что, скажем, “все относительно”, или что “нет никакой высшей истины”. Штраус понимал очень ясно, что без веры в эту “высшую истину” либеральная демократия как политический строй обречена на провал. Но, с другой стороны, он также исходил из того допущения, что сами философы, как правило, веру в высшую истину не разделяют».

Многие исследователи, указывая на «двойственный характер» учения Штрауса, часто обвиняли его в том, что сам он писал «эзотерически». Отчасти этот упрек справедлив, ибо многие книги и статьи Штрауса весьма загадочны. Действительно, внимательное прочтение его сочинений свидетельствует, что Штраус обращался к творчеству именно тех авторов, которые использовали как раз этот забытый стиль «искусства письма», провоцирующий сомнения у читателей. Это служило для него поводом изучить эти работы более тщательно. Примеров тому в книгах самого Штрауса достаточно много, что, таким образом, оставляет место для продолжительной дискуссии, окружающей его имя.

Из статьи не совсем ясно, считает ли Борис Межуев, что «дурная слава» Штрауса – это ошибка, которую надо (или не надо) исправлять; тем не менее, он не отказывается от мысли, что Лео Штраус как нельзя лучше подходит под образ «сомнительного чужака», «человека, под маской защиты американских ценностей проповедовавшего какую-то “тайную доктрину”, заражая национальную элиту вирусом “двоемыслия”».

В США есть и более радикальные сторонники версии о наличии у американского неоконсерватизма штраусианских корней. Многие критики Штрауса настойчиво обвиняют его в элитизме и антидемократическом настрое. Например, Шадиа Друри¹², сделавшая карьеру на критике политической программы «штраусианства», полагает, что Штраус учил разных студентов разным вещам и, кроме того, прививал элитарные черты будущим американским политическим лидерам, которые впоследствии пришли к проповеди империалистического милитаризма и христианского фундаментализма. Друри также обвиняет Штрауса в том, что он учил, будто граждане города нуждаются в том, чтобы сильные и мудрые правители говорили жителям полиса, что для них хорошо, а что плохо, т.е. что такое благо и что такое хороший государственный строй. Более того, утверждает Друри, современному обществу угрожает заговор небольшой группы интеллектуалов, названных, в честь духовного предводителя, «штраусианцами». Ни в печати, ни в эфире она не стесняется называть этих самых «штраусианцев» сектой или «культом», а самого давно умершего лидера движения «еврей-

ским нацистом». Она также настаивает на том, что штраусианцы — это группка весьма опасных людей, которых следовало бы анализировать не в соответствии с тем, что они сказали, но с тем, что они сделали¹³.

Сюда можно было добавить длинный список ярлыков, которые с большим удовольствием навешивают на Лео Штрауса; среди них наиболее оригинальны следующие: «троцкист», «неоконсерватор», «коммунитарист», «макиавеллист», «нелиберал», «марксист», «либертарианец», «консерватор», «антисциентист» и т.д. Но основным все же остается клеймо «отца неоконсерватизма».

Консерватор ли?

Может быть, Исайя Берлин, которого Штраус так нещадно громил за его ценностный релятивизм, в некотором отношении был честнее многих других «экзотерических» мыслителей XX века. Честнее, потому что предлагал что-то не всегда привлекательное, но при этом позитивное¹⁴, конкретное и вполне определенное, что отличает его от таких противоречивых мыслителей-бунтовщиков, как Майкл Оукшот, Лео Штраус или Эрик Фегелин, ибо для них скорее была важна «негативная программа»: критика рационализма, сциентизма или «гностицизма».

Но мы также не должны забывать, что сам Штраус не считал себя сторонником той или иной идеологической доктрины. Здесь следовало бы вновь вспомнить Стивена Смита, считавшего, что мыслитель не только не осуждал империализм, но и вообще ставил под вопрос практическую пользу политической философии. Само желание эксплуатировать идеи Штрауса в целях развития консервативной идеологии — не новость. Так, друг и доброжелательный оппонент Штрауса Эрик Фегелин особенно критично относился к попыткам использовать научные достижения мыслителя в целях совершенствования идеологии современного консерватизма. Например, вот что он написал в 1977 г. некоему Джону Исту в ответ на то, что последний охарактеризовал Штрауса как консерватора: «Читать Вашу статью было приятно; и у меня нет претензий к ее положительному содержанию. Все же я не совсем ею доволен. Ведь Штра-

ус, несмотря ни на что, трудился не ради того, чтобы оказывать поддержку консерваторам. Он был великим ученым; и посредством влияния на своих студентов способствовал становлению определенного числа серьезных ученых в такой отсутствующей, но очень необходимой области, какой является политическая наука. Если делать упор настолько сильно, как это делаете Вы, на несовместимости классической и иудеохристианской традиций с современными “измами”, то можно приуменьшить значение того факта, что такая вещь, как “наука”, в классическом смысле этого слова, действительно существует и что различные “измы”, представленные в наших университетах, — не только безнравственны, но объективно ложны. Они до неприличия “утопические”, они раздутые, непрофессиональные, безграмотные и мошеннические. <...> Политического теоретика, который не может прочесть классиков на их родном языке, потому что он слишком ленив, чтобы выучить греческий и латинский, следует немедленно уволить, основываясь на элементарных постулатах деловой этики. Я выражаюсь недвусмысленно, чтобы дать понять, что в обществе существует более важный конфликт, нежели либерально-консервативный, когда университеты становятся подготовительными центрами для вседозволенности, небрежной работы и интеллектуальных игр в конфиденциальность. Я далек от того, чтобы согласиться со Штраусом во всем, но он, несомненно, был заметной силой в растущем понимании научных стандартов»¹⁵.

Один из самых верных последователей Штрауса, Натан Тарков, отстаивая идеологическую беспристрастность учителя, недавно был вынужден в очередной раз оправдывать его в глазах общественности в связи с тем же вопросом об истоках неоконсерватизма. Он тщательно проанализировал все, что Штраус вообще когда-либо говорил о международной политике, и сделал следующий вывод: «Штраус может напомнить нам о вечных проблемах, но обвинять в ошибочных решениях сегодняшних проблем мы должны только себя»¹⁶.

Так все-таки следует ли нам винить Лео Штрауса в политических преступлениях неоконсерваторов? С одной стороны, конечно, нет, ибо сам он едва ли бы одобрил все то, что ему сегодня приписывают такие пристрастные исследователи, как

Шадиа Друри. С другой стороны, да, ибо сам он с огромным удовольствием навешивал оценочные ярлыки на великих политических мыслителей. Например, Маркса он назвал «отцом коммунизма», а Ницше «приемным дедушкой фашизма»¹⁷. Но если Маркс и Ницше несут ответственность за то, каким образом использовались их идеи, то почему не должен нести ее и Лео Штраус? Он, конечно, не был отцом неоконсерватизма и вряд ли бы усыновил его. Однако неоконсерваторы сами «усыновили» Лео Штрауса и, кажется, его доля вины в этом гораздо больше, чем их.

Примечания

- ¹ *Штраус Л.* Введение в политическую философию. М., 2000; *его же.* О тирании. СПб., 2006; *его же.* Естественное право и история. М., 2007.
- ² Под неоконсерваторами здесь понимаются не проповедники «тэтчеризма» и «рейгономики», а сторонники и идеологи современной внешнеполитической доктрины Америки — доктрины, направленной на утверждение превосходства США в мире.
- ³ См.: *Norton A.* Leo Strauss and the Politics of American Empire. New Haven—L., 2004.
- ⁴ На этой составляющей идейного наследия Штрауса делает основной акцент американский исследователь Нассер Бенегар. См.: *Benhegar N.* Leo Strauss, Max Weber and Scientific Study of Politics. Chicago, 2004.
- ⁵ *Межуев Б.* Кто ответит за «Большую ложь»? // <http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/povestka-usa/american-century/lie/>
- ⁶ Впрочем, сам патриарх неоконсерватизма Ирвинг Кристол признает влияние идей Штрауса на движение неоконсерватизма. См. об этом: *Кристол И.* Неоконсервативное убеждение // Логос. 2004. □ 45. С. 172—173; *Kristol I.* Neoconservatism: the Autobiography of an Idea. N. Y. etc., 1995. P. 6—9.
- ⁷ О географии штраусианцев см.: *Norton A.* Leo Strauss and the Politics of American Empire. New Haven—L., 2004. P. 7—9; *Zuckert C., Zuckert M.* The Truth about Leo Strauss. Chicago—L., 2006. P. 228—259.
- ⁸ Цит. по: *Mann J.* Rise of Vulcans. The History of Bush's War Cabinet. N. Y., 2004. P. 29.
- ⁹ *Парамонов Б.* Лео Штраус и его ученики // <http://www.svobodanews.ru/Article/2006/08/01/20060801120935480.html>
- ¹⁰ См. статью Смита о Штраусе, а также полемический ответ на нее: *Smith S.B.* Leo Strauss's Platonic Liberalism // *Political Theory*. 2000. Vol. 28. □ 6. P. 787—809; *Wallach J.R.* Smith, Strauss and Platonic Liberalism // *Political Theory*. 2001. Vol. 29. № 3. P. 424—429.

